

А. А. Козлов

**Свое слово. Философско-
литературный сборник**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А. А. Козлов
А11 Свое слово. Философско-литературный сборник: Часть 2 / А. А. Козлов – М.: Книга по Требованию, 2020. – 164 с.

ISBN 978-5-458-24941-6

Сборник, который философ-спиритуалист А.А. Козлов - один из первых представителей персонализма в России, начал выпускать вместо выходившего ранее журнала «Философский трехмесячник». Как и предшествующее издание, «Свое слово» состоит исключительно из статей самого автора. В этих публикациях он в итоговой форме формулирует свои философские воззрения, в которых развивает концепцию панпсихизма.

ISBN 978-5-458-24941-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имѣя возможность работать только очень умѣренно, вслѣдствіе ослабленныхъ болѣзнью силъ, я все таки уже могу съ удовольствіемъ приступить къ печатанію и 2-го № моего сборника. Говорю съ удовольствіемъ, потому что, какъ ни ограниченъ кругъ моихъ читателей, но заявляемое ими сочувствіе къ моей дѣятельности въ области философскаго знанія ободряетъ и побуждаетъ меня къ продолженію этой дѣятельности и смягчаетъ то тяжелое положеніе изолированности и отчужденности, въ которомъ я нахожусь среди теченій, кружковъ и партій, господствующихъ въ нашей современной литературѣ. Позволяю себѣ надѣяться, что путь, по которому я иду, теперь узкій и безлюдный, по немногу и постепенно разширится и сдѣлается болѣе торнымъ въ ближайшемъ будущемъ и что, можетъ быть, я буду покидать временно — пространственное бытіе съ сознаніемъ, что я не бесплодно дѣйствовалъ въ области излюбленной мною науки.

Затѣмъ снова приглашая моихъ читателей обращаться съ своими вопросами по поводу напечатаннаго въ „Своемъ Словѣ“ (см. предисловіе № 1-го), я долженъ добавить къ этому приглашенію то, что было мною упущено изъ вида въ № 1-мъ. Добавленіе будетъ заключаться въ томъ, чтобы читатели или корреспонденты мои нисколько не опасались, что ихъ имена и личности какъ либо могутъ быть обозначены и обнаружены мною, когда я буду отвѣчать на ихъ вопросы или недоумѣнія: въ этомъ отношеніи они могутъ вполнѣ довѣриться моей скромности.

Вопросы же, съ которыми обратятся ко мнѣ мои читатели, кромѣ возможной пользы для нихъ самихъ, будутъ имѣть не мало-важное значеніе и для меня. Изъ нихъ я могу ясно усмотрѣть, какія стороны или пункты излагаемыхъ въ „Своемъ Словѣ“ воззрѣній наиболѣе затрудняютъ читателей или же возбуждаютъ въ нихъ сомнѣнія. Тогда, желая устранить эти сомнѣнія и вообще пріобрѣсти сочувствіе къ моимъ философскимъ убѣжденіямъ, я, въ дальнѣйшемъ изложеніи и развитіи ихъ, сосредоточу вниманіе и наиболѣе остановлюсь на этихъ затруднительныхъ и возбуждающихъ недоумѣніе сторонахъ и пунктахъ.

Если позволятъ силы, то и въ будущемъ году надѣюсь выпустить № 3-й моего сборника.

А. Н.

Января 18-го, 1889 г.

БЕСѢДЫ
СЪ ПЕТЕРБУРГСКИМЪ СОКРАТОМЪ.

БЕСѢДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ разговоръ со мною, Карамазовой, Серебряковой и Красоткинымъ Сократъ поддерживаетъ ту мысль, что вообще въ философіи не выяснено и не опредѣлено систематическимъ образомъ понятіе бытія и что дажѣ это понятіе у Канта сходно съ тѣмъ же понятіемъ Юма. Оба эти философа подъ словомъ: бытіе или существованіе, судя по тому, что явно высказано ими, почти ничего не разумѣютъ, судя-же потому, что они принимаютъ тихомолкомъ, подъ сущимъ разумѣютъ они то, что дано чувственному ощущенію. Въ этой бесѣдѣ Сократъ уклоняется нѣсколько въ сторону и, при помощи Синайскаго, касается вопроса объ такъ называемомъ онтологическомъ доказательствѣ бытія Божія и, вопреки общераспространенному мнѣнію, утверждаетъ, что Кантъ вовсе не опровергъ этого доказательства.

Въ субботу вечеромъ я случайно легъ спать спозаранку, а потому и проснулся на другой день рано. Вспомнивши объ условіи быть сегодня у Сократа, я, по ассоціаціи идей, сталъ размышлять о понятіи бытія у Канта и старался припомнить нѣкоторые мѣста объ этомъ предметѣ въ его сочиненіяхъ.—При этомъ припоминаніи я почувствовалъ, что и прежде, и теперь главное затрудненіе заключалось въ неясномъ для меня терминѣ Канта: „положеніе (по нѣмецки Position) вещи“¹⁾. Это „положеніе“, какъ мнѣ казалось,

¹⁾ Объ этомъ „положеніи“ можно прочесть въ „Критикѣ чистаго разума“ Канта, переводъ Владиславлева стр. 462. Примѣчаніе редак.

и составляло всю *суть* и даже всю *глубину* кантовскаго понятія о бытіи. Безъ этого словечка: „положеніе“, мнѣ казалось мнѣніе Канта столь простымъ и обыкновеннымъ, что не нужно было быть великимъ философомъ, чтобы думать такъ, какъ думаетъ самый простой человѣкъ, что существуетъ то, что мы видимъ, слышимъ, нюхаемъ, или что дано въ опытѣ внѣшнихъ чувствъ и что, по этому, какъ выражается Кантъ, „понятіе бытія есть опытное понятіе“.

Возбуждаемый желаніемъ поскорѣе выяснить свое недоумѣніе, я быстро вскочилъ съ постели и поспѣшилъ пить чай и одѣваться, чтобы переговорить съ Сократомъ нѣсколько пораньше вдвоемъ, опасаясь, что, когда придутъ дамы, да Калгановъ, да Красоткинъ, то возникнетъ споръ, который можетъ какъ либо уклониться въ сторону, затянуться и тѣмъ продолжить мое состояніе сомнѣнія.

Часу въ 10-мъ я уже былъ у Сократа и засталъ его пьющимъ чай въ обществѣ какого-то молодого человѣка. Оказалось, что это былъ студентъ духовной академіи, Синайскій, какъ называлъ его Сократъ, представляя насъ другъ другу. Повидимому, Сократъ и его гость прервали при моемъ появленіи происходившій у нихъ разговоръ, а потому, внутренно досадуя на помѣху моему намѣренію, я сказалъ: „пожалуйста, господа, продолжайте вашу бесѣду, которой я, какъ видно, помѣшалъ“.

Сократъ предложилъ, чтобы я налилъ себѣ по вкусу чаю и обратился съ вопросомъ къ своему собесѣднику: „Ну, такъ что же они?“.

Синайскій. Да что же это за наука, говорятъ они, если съ *самыхъ основаній* ея, съ перваго шага начинается разногласіе. Возьмите, говорятъ, математику или физику; тамъ разногласіе, и то очень не на долго, возможно только въ *самыхъ* новыхъ, въ текущую минуту поднятыхъ, вопросахъ. Все же, что прежде сдѣлано въ наукѣ, всѣми принимается безспорно, за исключеніемъ невѣждъ или какихъ либо чудаковъ, желающихъ прослыть оригиналами.

Сократъ. (Обращаясь ко мнѣ). Это говорятъ его знакомые и пріатели противъ философіи. (Обращаясь къ Синайскому). Да оттого философы и разногласятъ между собою, что все содержаніе той науки, которою они занимаются, состоитъ только изъ однихъ *первыхъ основаній*. Всѣ другія науки, а также математика и физика, именно потому и могутъ развиваться спокойно и при, до известной степени, полномъ согласіи ученыхъ, что первыя основанія для ихъ наукъ приняты ими готовыми и безспорными. Все же остальное содержаніе этихъ наукъ есть только приложеніе къ чувственному опыту этихъ первыхъ основаній, напр., особенно въ физикѣ; или же—выводъ изъ этихъ первыхъ основаній какъ, напр., исключительно въ математикѣ. Хотя эта остальная часть содержанія этихъ наукъ образуется и медленно, но идетъ вѣрнымъ путемъ, руководясь твердо установленными законами логики и методологии, общей и частной. Чѣмъ была бы математика безъ понятія *величины*, т. е., безъ признанія чего то такого, что можетъ быть больше и меньше? Далѣе, чѣмъ была бы она безъ признанія *тождества* вообще и затѣмъ *тождества по величинѣ*, или равенства? Чѣмъ была бы она безъ понятія объ *единицѣ* или объ *единомъ* въ противоположность *множеству*? Могла-ли бы сдѣлать математика хотя одинъ шагъ впередъ, если-бы ей нужно было заниматься вопросами о томъ, какое мы имѣемъ право понимать что либо тождественнымъ, что либо равнымъ и затѣмъ что либо противоположнымъ равному, т. е., большимъ или меньшимъ, понимать что либо единымъ?! Есть ли у математики забота о томъ, существуютъ-ли единицы и множество ихъ, существуетъ-ли тождество? Могла ли бы существовать геометрія, если бы у ней отнять *право на понятіе* непрерывнаго и безконечно-дѣлимаго пространства? Могла ли бы существовать физика, если бы у ней отнять право признавать, что подъ видимымъ цвѣтомъ и слышимымъ звукомъ есть нѣчто, которое не есть этотъ цвѣтъ или звукъ и которое наполняетъ пустое пространство, перемѣняетъ въ немъ положеніе или двигается? Что было бы съ математикой, если бы кто нибудь принялъ въ серьезъ

нападенія, напр., Юма ¹⁾ на геометрію и объявилъ бы вмѣстѣ съ нимъ ложными ея понятія о геометрическомъ *равенствѣ* фигуръ и объ ихъ безусловномъ *совмѣщеніи* другъ съ другомъ, или утверждалъ съ нимъ ложность геометрическаго понятія о *прямой линіи*, или утверждалъ невозможность *дѣленія прямой линіи и вообще пространства* до безконечности и т. п. Конечно, геометры, вмѣсто открытія новыхъ теоремъ, превратились бы въ философовъ и начали бы спорить объ *эмпирическомъ или интуитивномъ*, или еще какомъ либо происхожденіи аксіомъ и геометрическихъ основныхъ понятій. Такъ то и всѣ другія науки стоятъ на готовомъ основаніи, а потому и могутъ болѣе или менѣе успѣшно идти далѣе.

Синайскій. А что если они на это скажутъ, какъ я слышалъ отъ одного серьезно занимающагося географіею учителя, что намъ нѣтъ никакой надобности входить въ нескончаемые споры о происхожденіи и дѣйствительности этихъ первыхъ основаній наукъ. Вѣдь, на дѣлѣ оказывается, что эти основанія, откуда бы они ни происходили, вѣрны; годность и значеніе результатовъ изъ этихъ готовыхъ основаній въ математикѣ и естественныхъ наукахъ ручается за вѣрность и годность самихъ основаній. Что намъ за дѣло до того, откуда мы беремъ наши понятія величины, тождества, различія, равенства, единицы, непрерывнаго и безконечно-дѣлимаго пространства, прямой и кривой линіи въ математикѣ, или матеріи, наполняющей пространство, въ физикѣ? Далѣе, что намъ за дѣло до того, существуетъ ли или не существуетъ единство, тождество, пространство и матерія и т. п., если приложеніе этихъ понятій сперва въ математикѣ, механикѣ и физикѣ, а потомъ въ практическихъ прикладныхъ наукахъ отлично помогаетъ намъ строить зданія, мосты, желѣзныя дороги и т. д.?! Значить,—вмѣсто без-

¹⁾ По поводу этихъ мнѣній Юма позволю себѣ предложить читателю справиться въ моей книгѣ „Генезисъ теоріи пространства и времени у Канта“, Кіевъ. 1884 года. Глава II-я. Примѣчаніе редактора.

плодныхъ занятій философій, не лучше ли дѣлать дѣло, т. е., заниматься науками и улучшать нашу жизнь!

Сократъ. Вашъ знакомый, должно быть, побылъ въ атмосферѣ позитивизма, ибо это направленіе становится теперь популярнымъ и начинаетъ принимать общедоступныя и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно *вульгарныя* формы. Вашему знакомому и ему подобнымъ людямъ мы можемъ сказать, что самая главная ошибка высказаннаго имъ взгляда состоитъ, по моему, въ томъ, что онъ совершенно условное и имѣющее основаніе только во внѣшнихъ причинахъ, именно, въ слабости индивидуальныхъ силъ, раздѣленіе знанія на различныя и частныя науки возводитъ въ безусловный законъ, лежащій въ самой сущности знанія. Напротивъ, если принять въ соображеніе эту сущность, то отдѣльныхъ наукъ нѣтъ и не должно быть. Есть *одна только наука*, одинъ организмъ знанія, какъ есть одна только органическая жизнь. Если мы будемъ принимать, напр., гигиеническія мѣры для правильности функцій нервной системы, органовъ движенія, органовъ дыханія, оставивъ безъ заботъ и въ пренебреженіи органы пищеваренія и кровообращенія, то несомнѣнно придемъ къ разстройству всей нашей органической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣхъ самыхъ органовъ, о которыхъ мы заботились. Точно тоже можно сказать и о системѣ знанія. Оно, подобно самой познающей душѣ, *едино и нераздѣльно*, выражается ли оно въ первыхъ основныхъ понятіяхъ и въ ихъ приложеніи къ опыту, или же въ выводахъ изъ нихъ, или же въ объясняющихъ факты гипотезахъ. Такъ какъ эта душа, кромѣ познанія, проявляется и въ другихъ дѣятельностяхъ, напр., въ желаніи и чувствѣ, то, конечно, знаніе служитъ средствомъ или орудіемъ для этихъ дѣятельностей: нельзя желать, не зная желаемаго объекта, нельзя чувствовать безъ представленія. Но, служа орудіемъ для другихъ потребностей духа, знаніе также и само по себѣ есть потребность и цѣль того же духа и въ качествѣ этой цѣли получаетъ форму *истины*, т. е., такихъ понятій или сужденій, съ которыми соединено *сознаніе* полной увѣренности и ничемъ не возмущаемой яс-

ности въ нихъ. Далѣ къ этому уже сознанию присоединяется *другое сознание*: сознание *чувства истины*, чувства на столько интенсивнаго и мощнаго удовлетворенія, что оно не рѣдко безстрашно борется и побѣждаетъ величайшія угрозы и страданія. Конечно, я думаю, мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что самое интенсивное чувство истины соединено съ сознаниемъ обладанія философской истиною. Съ другой стороны не вѣрно и то, что могутъ быть приобрѣтены помимо философіи тѣ первыя основанія, на которыхъ стоятъ другія науки, напр., математика и естествовѣденіе. Въ древности была собственно *одна* наука, именно, философія, и только въ новое время началось обособленіе наукъ въ различныя спеціальности. Поэтому первыя основанія древней математики и геометріи получены этими науками отъ философіи, ибо тогда люди, спеціально потомъ получившіе имя философовъ, какъ напр., Платонъ или пифагорейцы, были въ то же время и математиками. Точно также и люди, занимавшіеся спеціально математикою, какъ напр., Θεόδωρος Киренейскій, встрѣчаемый въ платоновомъ діалогѣ: „Тететъ“, были въ то-же время и философами. Тѣсная связь математики и естествовѣденія съ философіей и взаимная помощь ихъ другъ другу продолжались черезъ всю исторію науки до нашего времени. Не забудемъ, что такіе великіе философы, какъ Декартъ, Лейбницъ, Кантъ были и великими учеными въ математикѣ, или въ физикѣ. Точно также такіе ученые, какъ Галилей, Кеплеръ, Даламберъ, Ньютонъ, Гюйгенсъ и проч., принимали участіе и въ движеніи философской мысли своего времени. Да и теперь не рѣдко выдающіеся ученые, напр., Риманъ¹⁾, Гельмгольцъ принадлежатъ къ тому или другому философскому направленію. Узенькій позитивизмъ частныхъ наукъ, въ послѣднее время ничего не хотящій знать о философіи, охватываетъ по преимуществу заурядныхъ дѣятелей математики, естествовѣденія или историческихъ наукъ.

¹⁾ Риманъ, извѣстный математикъ, былъ гербартіанецъ. Примѣчаніе редактора.